

ВЛАДИМИР

НАБОКОВ

Трагедия господина Морна

Пьесы

Лекции о драме

Агасфер
Владимир Набоков

Аннотация
Агасфер
Пролог
Примечания

Аннотация

Сценарий пантомимы на симфоническую музыку В. Ф. Якобсона Набоков писал в соавторстве с И. С. Лукашем в сентябре — ноябре 1923 г. Пролог написан Набоковым самостоятельно — под его текстом в газете значится «В. Сирин».

Агасфер

Драматический монолог, написанный в виде пролога для инсценированной симфонии

Пролог

(голос в темноте)

Все, все века, прозрачные, лепные
тобой, любовь, снутри озарены, —
как разноцветные амфоры… Сны
меня томят, апокрифы земные…
Века, века… Я в каждом узнаю
одну черту моей любви. Я буду
и вечно был: душа моя в Иуду
врывается, и — небо продаю
за грешницу… Века плывут. Повсюду
я странствую: как Черный Паладин
с Востока еду в золотистом дыме…
Века плывут, и я меняюсь с ними:
Флоренции я страстный властелин,
и весь я — пламя, роскошь и отвага!..
Но вот мой путь ломается, как шпага:
я — еретик презренный… Я — Марат,
в июльский день тоскующий… Бродяга —

я, Байрон, — средь невидимых дриад
в журчащей роще — что лепечет влага?
Не знаю, — прохожу… Ловлю тебя,
тебя, Мария, сон мой безглагольный,
из века в век!.. По-разному любя,
мы каждому из тех веков невольно
цвет придаем, — цвет, облик и язык,
ему присущие… Тоскуем оба:
во мне ты ищешь звездного огня,
в тебе ищу земного. У меня —
два спутника: один — Насмешка; Злоба —
другой; и есть еще один Старик —
любви моей бессмертный соглядатай…
А вкруг тебя скользят четой крылатой
два голубиных призрака всегда…
Летит твоя падучая звезда
из века в век, — и нет тебе отрады:
ты — Грешница в евангельском луче;
ты — бледная Принцесса у ограды;

ты — Флорентийка в пламенной парче,
вся ревностью кипящая Киприда!
Ты — пленница священного Мадрида,
в тугих цепях, с ожогом на плече…
Ты — девушка, вошедшая к Марату{1}*…*
Как помню я последнюю утрату, —
как помню я!.. Гречанкою слепой
являешься — и лунною стопой
летаешь ты по рощице журчащей.
Иду я — раб, тоску свою влачащий…
Века, века… Я в каждом узнаю
одну черту моей любви; для каждой
черты — свой век; и все они мою
тоску таят… Я — дух пустынной жажды,
я — Агасфер{2}*. То в звездах, то в пыли*

{1} Комментарии: 1.1

…девушка, вошедшая к Марату… — Шарлотта Корде (Корде д'Армон) (1768–1793), французская дворянка, проникшая в дом к Ж. П. Марату и заколовшая его кинжалом, за что была казнена.

{2} Комментарии: 1.2

Агасфер — согласно христианской легенде позднего западноевропейского Средневековья, отказал Иисусу в отдыхе во время его пути на Голгофу и велел ему идти дальше, за что был осужден скитаться из века в век. К легенде об Агасфере обращались И. В. Гёте, П. Б. Шелли, В. Жуковский, немецкие поэты-романтики (К. Ф. Шубарт, Н. Ленау) и др.

я странствую. Вся летопись земли —
сон обо мне. Я был и вечно буду.
Пускай же хлынут звуки отовсюду!
Встаю, тоскую, крепну… В вышине
Моя любовь сейчас наполнит своды!..
О, музыка моих скитаний, воды
и возгласы веков, ко мне… ко мне!..

1923

Примечания

Агасфер

Драматический монолог, написанный в виде пролога для инсценированной симфонии

Впервые: Руль. 1923. 2 декабря.

Сценарий пантомимы на симфоническую музыку В. Ф. Якобсона Набоков писал в соавторстве с И. С. Лукашем в сентябре — ноябре 1923 г. Пролог написан Набоковым самостоятельно — под его текстом в газете значится «В. Сирин».

В газетной публикации драматическому монологу предшествовала заметка, подписанная «Л. С. Я.», одним из авторов которой был Набоков (если инициалы раскрыть как «Лукаш, Сирин, Якобсон»):

«На днях Иван Лукаш и Владимир Сирин, совместно с композитором В. Ф. Якобсоном, закончили работу над симфонией его, предназначенной для театральной постановки.

После нескольких месяцев труда авторам и композитору удалось найти для симфонии этой

форму сценического воплощения. Это — драматическая пантомима в пяти частях.

Творческий ее замысел таков: дать оправданную музыкой театральную игру, драматические столкновения и степень переживаний которой были бы выразителями соответствующих музыкальных сочетаний симфонии.

Следуя романтическим сменам музыкального стиля композитора, авторы создали романтическую эпопею о любви, скитающейся по земле, как вечный скиталец Агасфер. Духовные волны, настроения, переживания симфонии нашли свое выражение в тех или иных актах, приобщенных к эпохам, наиболее мощно воплощающим эти духовные волны симфонии.

В пантомиму авторами введено слово и диалог, которые врываются в пластическую, немую игру там, где для этого есть действительная драматическая необходимость.

"Агасфер", или "Апокриф любви", по содержанию — вечное столкновение мужчины и женщины, вечное искание и вечное ненахождение любви.

Эта новая музыкально-сценическая работа будет на днях прочтена, в сопровождении музыки, для представителей русской прессы и русского

театра в Берлине».

О чтении «Агасфера» в «Руле» вскорости появился отзыв:

> «Недавно в частном доме состоялось эскизное исполнение на рояле М. <sic!> Якобсоном музыки для пантомимы "Агасфер" с параллельным чтением сценария авторами его В. Сириным и И. Лукашем. Сюжет трагической пантомимы по широте замысла претендует на философско-символическое значение и сквозь разные эпохи проводит идею вечного странствования любви, неудовлетворенности и роковой обреченности. Но как часто в таких произведениях основная мысль (выраженная в красивых стихах пролога) туманно мерцает, дробится — символы проведены недостаточно последовательно и не чувствуется выдержанной аналогии в стилизациях разных эпох. Основным образом сомнительно<е> превращение Иуды в Агасфера и романтическое истолкование предательства Иуды ради отвергающей его Магдалины неинтересно после сложно-психологи-

ческого освещения Андреева и Гедберга. Совершенно неравнозначны дальнейшие воплощения Агасфера в Черного Паладина, торжествующего героя Герцога, бродячего пророка времен инквизиции, Марата, убиваемого Шарлоттой вне любовного конфликта, Байрона, и современного героя северного городка. Хороша местами красочная сторона, большие постановочные возможности и требования современной изобретательности и пышности, от осуществления которых будет зависеть в большой мере общее впечатление…»

(Л.Л<андау>. Агасфер, пантомима // Руль. 1924. 9 января).

В январе 1924 г. Набоков писал Вере Слоним о своем заказчике: «А, знаешь, бедный наш Якобсон третьего дня бросился в Шпрей, пожелав, как Садко, дать маленький концерт русалкам. К счастью, его подводный гастроль был прерван доблестным нырком "зеленого", который вытащил за шиворот композитора с партитурой подмышкой. Лукаш мне пишет, что бедняга сильно простужен,

но, в общем, освежен. Так-то» (BCNA.[1] Letters to Vera Nabokov. 17 января 1924 г.). Впечатление от В. Якобсона Набоков сохранил надолго: четверть века спустя он писал Р. Гринбергу: «"Взялся за гуж, полезай в кузов", как говорил некто Якобсон, музыкант, страшно сопел, когда брал аккорды» (Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом / Публ. Р. Янгирова // Диаспора: новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum — Феникс, 2001. Т. 1. С. 500). О самом либретто «Агасфера» Набоков впоследствии отзывался так: «Ужасно! Если я только завладею им, если я увижу его, я его уничтожу!» (A. Field. VN. The Life and Art of Vladimir Nabokov. London: Macdonald Queen Anne Press, 1987. P. 123).

Вместе с И. С. Лукашем (1892–1940), прозаиком, поэтом, журналистом, Набоков входил в «содружество молодых писателей и музыкантов» «Веретено» и писал либретто для пантомим русского кабаре в Берлине «Синяя птица», которое в 1921 г. открыл Я. Южный.

24 января 1924 г. Набоков писал Вере Слоним из Праги: «Что до пантомимы нашей, то ее облюбовала некая Аста Нильсен — но просит кое-что

---

[1] Сноски: 2.1

Vladimir Nabokov Archives // The W. Henry and A. Albert Berg Collection of English and American Literature. The New York Public Library.

изменить в первом действии. Другая наша пантомима, "Вода Живая", пойдет на днях в "Синей птице"» (BCNA. Letters to Vera Nabokov).

Вернувшись из Праги в Берлин в январе 1924 г., Набоков подробно рассказал матери о продвижении «Агасфера» и своих — общих с Лукашем — планах, связанных с театром: «Кроме того, в воскресенье мы будем требовать совершенно решительно от Якобсона 1000 долларов отчасти в виде аванса, отчасти как плату за оконченную пантомиму — в новом виде. Я как раз сейчас работал над ней, переписывал. Наконец, через очаровательного композитора Эйлухена мы проникаем в театральные дебри, причем нам заказаны оперетта и небольшая пьеса — вроде нашей "Воды Живой" — за которые мы тоже сперва должны получить аванс в размере 100–200 долларов. <…> Однако наше общее с ним (Лукашем. — А. Б.) будущее — театральное — может быть лучезарным в финансовом смысле — но после стольк<их> разочарований он не решается отдаваться слишком акварельным надеждам» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 31 января 1924 г.). Работа над «Агасфером», начатая, по-видимому, в сентябре 1923 г., продолжалась до середины февраля 1924 г.: «Пантомима подходит

к концу (6 месяц<ев> с лишком, шутка сказать) и вообще "перспективы" самые цветистые» (Там же. 14 февраля 1924 г.); финансовым же надеждам, связанным с этой работой, сбыться так и не пришлось: два года спустя Лукаш все еще писал Сирину: «Хватайте сукина сына Якобсона за фалды» (LCNA.[2] Box I, fol. 31. 1 февраля 1926 г.).

Значительно более основательным было сотрудничество Набокова с «Синей птицей», которое продолжалось несколько лет, — в начале 1926 г. Набоков писал матери: «Маленькая трагедия: пошли (с Верой Набоковой. — А. Б.) в "Синюю птицу" и как раз в этот вечер моя вещь не шла» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. 7 января 1926 г.).

Лукаш и Сирин писали не только для кабаре и музыкального театра, они брались и за киносценарии, причем кино Набоков отдавал приоритет: «Сейчас мы заняты писанием кинематографических сценариев. Пишу с Лукашем, пишу с Горным, пишу с Александровым и пишу один. Посещаю кинематографических див, которые зовут меня "английским принцем". Работы много, денег достаточно — но вот Я<кобсон> и Ю<жный>

---

[2] Сноски: 2.2

Vladimir Nabokov Archives // Collection of the Manuscript Division, The Library of Congress. Washington, D. C.

медлят. С первым мы все время в переписке. Он послал нам извещенье из Театрального Интендантства о том, что вещь наша еще не читалась, но на днях читаться будет. Как только я получу эти 1000–1500 марок, которые я должен получить либо за пьеску, либо за один из многочисленных сценариев, — то приеду в Прагу…» (Там же. Июль (?) 1924 г.). Летом 1924 г. Набоков работал сразу с несколькими режиссерами, причем Елена Ивановна Набокова также была, по-видимому, вовлечена в эти проекты: «Только что был у меня Лукаш, работали над сценарией (для тебя). Как будто выйдет недурно. Сценарий заказали мне трое разных режиссеров — на них громадный спрос, а оплата от 1000 до 3000 долларов за экспозе. Но я понял, что нужно действительно творить для кинематографа, а это не так легко. Я добьюсь» (Там же. Июль (?) 1924 г.).

После «Агасфера» другой композитор, А. Элюхин, заказал Набокову и Лукашу сценарий балета-пантомимы «Кавалер лунного света», который они написали в феврале 1924 г. Как сообщает Б. Бойд, сценарий «был прост — этакий современный танец смерти: залитая лунным светом терраса, принцесса, которую пользуют четыре вполне прозаических врача, закутанный в плащ

кавалер Смерть, стремительно проносящийся по темной сцене и в конце концов уносящий с собой сопротивляющуюся принцессу» (Б01. С. 268). Текст этого сценария сохранился в альбоме матери Набокова (архив Набокова в Монтрё). Известно название еще одного номера для «Синей птицы», музыку к которому вновь написал Элюхин, — «Китайские ширмы»; о нем Набоков упоминает в письме к матери: «Как я тебе уже писал, мы продали одну из наших вещиц ("Китайские ширмы") Южному за 100 долларов, то есть на мою долю пришлось 15 долларов всего. Не густо!» Далее он вновь рассказывает о своих кинематографических надеждах: «Наконец, очень рассчитываю на посылаемый тебе сценарий, над которым я потел чрезвычайно. Завтра сажусь писать новый рассказ, а также хочу кончить мой сценарий "Любовь карлика"» (BCNA. Letters to Elena Ivanovna Nabokov. Июль 1924 г.).

Однако ни один из этих многочисленных сценариев не был принят. Сценическое воплощение имели лишь кабаретные номера в «Синей птице» и — на большой сцене — «Кавалер лунного света»: «24 февраля в оперном театре в Кенигсберге с громадным успехом был поставлен балет Александра Элухона <sic!> "Кавалер лунного света",

по тексту И. Лукаша и В. Сирина. Блестящая постановка балетмейстера Землера с балериной Швалиннер и танцовщиком Леонтьевым в главных ролях вызвала в публике несмолкаемые аплодисменты» (Руль. 1925. 27 февраля); «Музыка этого балета <…> интересная, из сущности танца рожденная, богатая для создания иллюзий, и в лучшем значении слова импрессионистическая <…> Балет предполагается к постановке на различных сценах Германии…» (Руль. 1925. 25 марта).